

ние XVII в., и назначение на должность осадного головы рассматривалось царской властью как пожалование служилого человека. С этой точки зрения правительственный подход к осадным головам, воеводам, стрельцким или казачьим головам, приказным людям в небольших городках одинаков. При назначении осадным головой учитывалось мнение местных сословных групп. Жители Курска и Курского уезда, например, настойчиво добивались назначения на этот пост именно местных дворян и детей боярских, характеризуя в коллективных челобитных достоинства претендентов на должность².

Подводя итог, отмечу, что монография А.П. Синелобова является

новым этапом изучения роли «служилого города» в местном управлении Российского государства, а перечень городских приказчиков и губных старост дополняет круг справочных материалов по составу органов государственного управления XVI—XVII вв.

Примечания

¹ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 139, 199.

² Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 58—59.

Николай Мининков

Рец. на: В.Н. Глазьев. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI — XVII веках. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 270 с.

Nikolay Mininkov

(Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

Rec. ad op.: V.N. Glaziyev. Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uyezda v kontse XVI — XVII vekakh. Voronezh, 2018

DOI: 10.31857/S086956870010791-1

Новая монография известного исследователя губных учреждений в южных уездах России, социально-экономической и военной истории Воронежа и истории управления города и уезда в XVI—XVII вв. Владимира Николаевича Глазьева, представляющая собой очерки истории Воронежа и Воронежского уезда, появилась не случайно. Это своего рода концентрированный итог исследований по истории Воронежской земли, которые велись местными историками с дореволюционного периода и были продолжены в советское время, когда сложилась школа выдающегося исто-

рика В.П. Загоровского. В.Н. Глазьев, принадлежа к школе Загоровского, развил её традиции и создал собственную научную школу, изучающую вопросы истории Воронежа с его обширным уездом и соседних окраинных южных земель России. Вместе с тем до сих пор в историографии отсутствует написанная на современном уровне общая характеристика событий, явлений и процессов на этой исключительно значимой для России части южной окраины. Поэтому постановку проблемы в новом исследовании Глазьева можно одобрить и признать значимой для углубленного

понимания характера и особенностей развития южной части Московского государства на рубеже XVI—XVII вв., в период Смуты и при первых царях из династии Романовых.

Глубоко продуманная структура монографии, написанной как серия очерков, позволила автору сконцентрировать внимание на наиболее значимых страницах истории города и уезда, выделить людей, которые сыграли в ней особенно заметную роль. Как представляется, определить наиболее существенное в более чем вековой и насыщенной истории города и округа Глазьеву удалось. В центр исследовательского внимания поставлены две темы. Одна из них относится к событийной истории, другая раскрывает вопросы биографии наиболее видных личностей, имевших отношение к Воронежской земле. В заголовке первой части автор особо подчеркнул: «Свидетельства документов». Указание справедливое. Изложение событий в монографии насыщено документальным материалом, прежде всего архивным (из фондов РГАДА и Государственного архива Воронежской области), а также свидетельствами опубликованных источников. Присутствуют ссылки и на материалы археологических раскопок. Каждое положение исследователя опирается на солидную источниковую базу. Работа в эмпирическом отношении глубоко фундирована.

Для исследования Глазьева характерны историографические экскурсы и самое внимательное отношение к положениям и выводам предшественников: ряд вопросов, относящихся к истории города и уезда, получал освещение в работах других авторов. Тем не менее Глазьев в некоторых случаях обосновывает свои уточнения по этим сюжетам, в частности вопрос о промежутке времени между появлением указа об основании Воронежа и

завершением строительства крепости, о выборе места, где могла стоять новая крепость, о возникновении названия города по левому притоку Дона. Представляется, что вывод Глазьева о связи между названиями города и реки вполне приемлем. При освещении дискуссионного вопроса об участии жителей Воронежа в городском восстании 1648 г. исследователь реконструировал ход событий в городе за этот год. По его данным, многие воронежцы не поддержали «бунтовщиков», и восстание удалось предотвратить. Реконструированная Глазьевым картина представляется убедительнее традиционной¹.

Особенностью монографии является то, что все события и явления, о которых в ней говорится, имеют чёткую и опирающуюся на источники историко-географическую привязку. Это особенно важно для истории города и уезда XVII в. Историко-географические исследования России за XVI в.² есть, но за следующее столетие таковых нет. И в этой связи монография, дающая характеристику историко-географического положения Воронежа и других населённых мест Воронежского уезда (в том числе его незаселённой южной части) является необходимой подготовительной частью для общего комплексного труда по исторической географии России XVII в., потребность в котором становится всё более очевидной. Для уточнения выдвигаемых положений автор обращается и к данным других вспомогательных исторических дисциплин — хронологии, метрологии, генеалогии. Это делает его выводы более конкретными и убедительными.

Другая заметная черта книги Глазьева — внимание к повседневной жизни и быту разных слоёв воронежского населения, особенностям характера людей и нравов общества рассматриваемого времени, наиболее

наглядно проявившихся во время выборов на Земские соборы и в ходе общественных конфликтов. Вызывает интерес анализ коллективных челобитных воронежцев. В этих документах выразилось мнение общества, но в отдельных случаях они составлялись воеводами ради своей поддержки перед лицом столичных властей. Исследование коллективных челобитных позволяет уяснить, какие методы воеводского правления оказывались наиболее благоприятными для народа, как город отстаивал свои интересы, какое место занимало общество в жизни Воронежа. Вывод Глазьева о сохранении общественного влияния на положение в городе, о незавершённости процесса бюрократизации управления в XVII в. представляется убедительным.

Интересна полная и обстоятельная характеристика автором конфликта жителей Воронежа с таможенным и кабацким откупщиком Л. Елизарьевым в 1668—1671 гг. В историографии система кабацких откупов оценивается как одна из наиболее ранних форм первоначального капиталистического накопления. По оценке И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова, в подобном виде была представлена «первичная, примитивная форма торгового и ростовщического капитала»³, весьма распространённая в то время в России; анализ её на примерах предпринимательской и торговой активности некоторых помещиков Северо-Запада России после Смуты предпринят В.А. Аракчеевым⁴. В личности воронежского откупщика Елизарьева и способах организации им кружечных дворов прослеживаются черты предпринимателя, готового использовать самые жёсткие меры для получения прибыли. Глазьев сумел наиболее полно и конкретно показать, как в откупной системе соединялись финансовые интересы государства и от-

купщика, и как общество вело борьбу против злоупотреблений со стороны последнего. Городское население также активно вмешивалось в столкновения между должностными лицами местного управления, и от того, какое место в событиях занимали горожане, в немалой степени зависел исход этих столкновений. Вообще сильной стороной монографии является вклад в исследование проблемы отношений между властями и общинами, в последние десятилетия активно разрабатываемой на материалах Древней Руси И.Я. Фрояновым и историками его школы. Эта проблема не менее актуальна для понимания положения в стране в период Раннего Нового времени и имеет прямое отношение к ситуации, сложившейся в условиях «бунташного века».

Ещё одной интересной особенностью монографии является подход к истории Воронежа и Воронежского уезда в контексте исторической биографии. Перед читателем проходит галерея лиц, чья судьба связана с городом. Индивидуальные личностные характеристики этих лиц даются с учётом «специфики и вариативности разнородного социального пространства»⁵, в данном случае Воронежа и Воронежской земли, от времени основания города до царствования Петра I. Перед читателем предстают основатели города, воронежские воеводы, видные представители церкви — старец Исайя и воронежский епископ Митрофан, известные в истории города семьи, а также воронежцы, связанные с организацией кораблестроения в период Азовских походов Петра I. Говоря о людях, участвовавших в закладке крепости на Воронеже, Глазьев показывает характерные черты личности С.Ф. Сабурова, И.Г. Судакова-Мясного, В.Г. Биркина и, как типичную черту жизни служилых людей в Московском государстве,

их местнические споры. Впрочем, как показал автор, местническая тяжба не получила развития, что может объясняться правильной позицией центральной власти, сумевшей учесть местнические притязания участников спора и не обострять его.

Как заслуженных военных предводителей и опытных администраторов представляет Глазьев воронежских воевод. При этом он учитывает индивидуальные особенности их личностей. Говоря о кн. Г.П. Ромодановском, исследователь обратил внимание на его столкновение с местными стрельцами, до которого он довёл ситуацию, будучи человеком молодым и не имеющим жизненного опыта. Как верно отмечено в монографии, для Ромодановского, служившего при семи царях (от Фёдора Ивановича до Михаила Фёдоровича), служба воеводой в Воронеже в 1587—1588 гг. была лишь эпизодом в его бурной жизни. Значительно более длительное время служили воронежскими воеводами Мирон Вельяминов и Борис Бухвостов, причём последний своими решительными мерами способствовал подавлению восстания на территории Воронежского уезда, когда под Коротяк явились восставшие казаки во главе с Фролом Разиным.

Несомненный интерес вызывает анализ событий этого времени, когда участники использовали возможность объявить «государево дело» для обвинения своих противников. После окончания Смуты власти боялись всякого высказывания, в котором можно было увидеть смысл, задевающий нового царя и его права на престол. Один из таких случаев — дело 1624 г. в Воронеже по обвинению старцем Исайей игумена Карачунского монастыря Варсонофия. Подробности дела, а также выявившиеся факты притеснения игуменом крестьян монастырской вотчины подтвердили обвинения старца, а суд Рязанского

архиепископа приговорил игумена к ссылке. Глазьев на материалах судебного разбирательства сделал вывод о том, что в сознании людей в полной мере сказывались последствия Смуты; «преодоление Смуты в головах» людей было главной задачей в царствование Михаила Романова. Это справедливо, но едва ли использование «государева дела» в судебно-следственной практике способствовало такому преодолению.

Одним из наиболее существенных вопросов, относящихся к истории Воронежа и уезда, является возникновение Воронежской епархии, связанное с именем епископа Митрофана. Как представляется, Глазьев уточнил, при каких обстоятельствах появилась в 1682 г. новая епархия. Он справедливо поставил под сомнение распространённый в историографии вывод о том, что это церковное нововведение было принято только как мера по противодействию старообрядчеству. Но, подчёркивает автор, в отличие от соседней земли Войска Донского, где старообрядцы имели сильные позиции и где постепенно созревали условия для мощного старообрядческого выступления, в Воронеже и в Воронежском уезде позиции старообрядцев не были сильными. Исследователь указал на более глубокую причину, определявшуюся отношениями между государством и церковью: путём увеличения количества митрополичьих кафедр царская власть стремилась ослабить позиции патриарха. Вывод представляется обоснованным — вскоре, при Петре I, самодержавие вовсе упразднило патриаршество. Епископ Митрофан показан Глазьевым как сложная личность, решительный противник западноевропейских культурных нововведений, затрагивавших религиозные чувства православного населения, но поддерживавший многие реформаторские мероприятия Петра I. Верно отмечено, что образ этого свя-

тителя сохранился в исторической памяти последующих поколений.

Убедительно показана роль Воронежа как центра российского кораблестроения в период Азовских походов Петра I и в течение нескольких последующих лет, в период, когда после 1700 г. кораблестроение перешло из ведения кумпанств в управление Адмиралтейского приказа. Обращено внимание не только на успехи в деле судостроения, но и на тяготы, с которыми встретилось население города и других городов Воронежского уезда, приписанных к Адмиралтейскому приказу, а также на колоссальное обогащение некоторых лиц за счёт судостроения. Подчёркнуто, что в городе возникли особые трудности в связи с большим притоком разных людей, в том числе колодников, которых размещать было негде. Отмечены некоторые интересные детали внутренней жизни города, в частности нехватка квалифицированной рабочей силы, сложности во взаимоотношениях между нанимавшимися на службу и на работу в России иноземными офицерами, матросами и мастерами. Тем самым представлена живая картина положения в городе и в его окрестностях на рубеже XVII—XVIII вв.

Заинтересованный читатель, прежде всего воронежский, получает насыщенную богатым материалом и отличающуюся глубиной его анализа книгу по ранней истории города и уезда. Для историка эта книга важна тем, что она даёт более чёткое, полное и конкретное представление о положении на юге страны в XVII в., когда Воронеж служил важным центром обороны на этом рубеже. Из желаний представляется возможным обра-

тить внимание на роль донских казаков станицы атамана Павла Чесночихина в 1648 г. в событиях в городе. Можно отметить значение Воронежа как центра, через который осуществлялись сношения между московским правительством и войском Донским; стоит отметить, что немало воронежцев ходили в донские казачьи городки в качестве работников и торговцев, закупая у казаков в числе прочего ясырь. Необходимо также отметить, что исторические перспективы создания при Петре I военного флота в Воронеже были ограниченными. Этот флот сыграл свою роль в войне с Османской империей, но в силу ряда причин долго просуществовать не мог, в том числе и потому, что многие суда делались наспех зимой и не могли быть долговечными. Но, несомненно, новый труд В.Н. Глазьева развивает и обогащает знания учёных по истории Воронежа и Воронежского уезда.

Примечания

¹ *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С. 114—117.

² *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.

³ *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 27.

⁴ *Аракчеев В.А.* Помещик-стяжатель первой половины XVII века: К вопросу о «неадекватных» формах капитала в России // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2017. С. 11—16.

⁵ *Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2005. С. 9.